

Дневники, письма

М.В.Ямщикова (Ал.Алтаев)

«Я не желаю иметь дело с русским правительством...»*

Опубликованная в 1981 году в «Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского Дома» статья И.М.Юдиной, Л.Н.Ивановой «Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики)¹» приоткрыла еще одну страницу жизни известной детской писательницы Маргариты Владимировны Ямщиковой (Ал.Алтаева), чье имя связано с Псковской землей.

В статье приводились цитаты из писем М.В.Ямщиковой к А.Н.Альмедингену, одному из создателей детской периодики конца XIX – начала XX веков. Алексей Николаевич Альмединген (1855-1908) был издателем детских журналов «Воспитание и обучение», «Родник», «Солнышко», совмещая издательскую деятельность с военной, служа в Главном артиллерийском управлении. В краткой заметке нет возможности рассказать о многогранной общественной деятельности А.Н.Альмедингена, укажем только на то, что связывало его и М.В.Ямщикову. На протяжении многих лет писательница сотрудничала в журналах, издаваемых А.Н.Альмедингеном. Кроме того, они оба были членами созданного при Педагогическом музее отдела критики и библиографии детской литературы. Об этом мы знаем из мемуаров Ал.Алтаева «Памятные встречи»² и «Мои старые издатели»³. Но в опубликованных мемуарах мы не встречали даже упоминания о двух замечательных письмах писательницы к Альмедингену, относящихся к январю-февралю 1905 года, хранящихся в фонде Альмедингенов в Пушкинском Доме⁴.

Являясь свидетельницей кровавых событий 9 января 1905 года, будучи членом политического Красного Креста, принимая непосредственное участие в баррикадах на 4-й линии Васильевского острова, М.В.Ямщикова решила составить для печати хронику деяний русского воинства в кровавые дни начала первой русской революции⁵. «Хронику» эту она передала А.Н.Альмедингену, как человеку, связанному с военными кругами и как общественному деятелю. На него «Хроника» произвела тяжелое впечатление. Он предложил М.В.Ямщиковой изложить собранный материал в виде доклада, который брался представить военному министру. Писательница отказывается это сделать. Причину этого отказа она излагает в двух письмах. Эти письма и «Хроника событий января 1905 года» мы предлагаем читателю. Материалы раскрывают еще одну страницу жизни Ал.Алтаева и возвращают нас к трагическим событиям 1905 года.

---

* Вступительная заметка, публикация и примечания М.А.Кузьменко

«23 января 1905 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

В последнюю среду я приносила Вам хронику деяний русского воинства, первая половина которой была так ужасна, что Вы отказались расстраивать себе нервы читать до конца. Вы предложили мне изложить эту хронику в виде доклада, который взяли бы представить военному министру.

Обдумав Ваше предложение, я решила хроники своей для упомянутой выше цели не посылать, и вот почему: какое применение сделал бы военный министр рассказам об ужасах, творимых доблестным русским воинством с благословения начальства?

Моя вера в правосудие в данном случае была бы наивной мечтою. Смешно искать правду у правительства, попирающего основные законы страны, и думать, будто оно не ведает, что творится кругом, в то время, как газеты несут нам ежедневно новые и новые ужасы, говорят нам о нашем беспорядке, о полном произволе тупого, невежественного, дикого, упившегося кровью воинства, творящего все, что ему захочется.

Дегенераты-воины, методически отступающие на Дальнем Востоке, проявляют чудеса храбрости у себя на родине: они отрубают пальцы людям только за то, что эти люди высказывают претензию на свой собственный телефон (см. «Русь» 23 янв.⁶); добросовестно исполняют лестную роль полиции (роль, которой до сих пор гнушались запачкать свой пресловутый мундир); арестовывают общественных деятелей и этим вызывают брезгливость даже у охранного отделения (см. инцидент с Радыгиным, «Русь», 22 янв.⁷); бьют беспрестанно на улицах мирных граждан (нападение на писателя Анучина и других). Все это делается не исключительно в день ужаса; это продолжается до сих пор и сделалось правилом для гг. военных (факт с телефоном случился 21 янв.).

Не думаю, чтобы правительство не знало об милых «шалостях героев ближнего севера» и чтобы военный министр не читал газет.

Фактов много, слишком много. К чему мне прибавлять новые? Все они тождественны и все отвратительны.

Дегенеративное правительство, вероятно, даст Георгия и без моей аттестации доблестным воинам за полную победу над безоружными жителями Петербурга и других городов России, где они так усердно работали. Воинству следует этот Георгий по справедливости: ведь от него нет прохода на улицах; ведь оно развращает наших детей, видящих наяву все ужасы времен Торквемады, Филиппа II и Иоанна Грозного, безобразия опричнины среди белого дня. Есть суд на этих наших разбойников? Есть кому жаловаться? Есть гарантия нашей неприкосновенности? Пусть же воины исполняют, как и исполняли в эти дни, функции палачей, сыщиков, шпионов и околоточных надзирателей; пусть распространяют нелепый слух об англо-японских миллионах; пусть кричат эту глупость открыто в салонах, но они ошибутся, если думают, что заставят замолчать честный крик народного негодования, что заставят поверить в эту басню народ и всех тех, кто истинно любит свою несчастную родину; в сказку об японских миллионах⁸ верят только кухарки да члены Русского Собрания, - народ знает цену басням, распускаемым псевдо-патриотами из угодливости к русскому правительству, басням, которые при столкновении с английским послом само же правительство старалось затушить.

Вот все, что я хотела Вам сказать. Я не желаю иметь дело с русским правительством, потому я не считаю возможным принять Ваше предложение посредничества между мною и военным министром.

У меня была цель иная. Перенеся себя на Ваше место, я искренно думала, что Вы отнесетесь иначе к происходящей бойне, что Вы будете активны. Мне казалось, что немислимо принадлежать к известной корпорации и не стараться выяснить себе нравственной физиономии членов этой корпорации.

Я считала, что Вы **обязаны** это сделать и не путем доклада министру (это прием чисто чиновничий), а путем другим, что Вы будете искать **товарищеского суда чести, и только для этого суда имело смысл давать Вам факты**. Я считала, что стыдно подавать руку офицерам, которых можно подозревать в шпионстве, самоуправстве, вообще в некрасивом или зверском поведении в дни безобразной бойни.

Мнения, конечно, бывают разные. Простите, что я ошиблась и напрасно побеспокоила Вас.

М. Ямщикова».

* * *

«2 февраля 1905 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

В Вашем письме Вы делаете мне очередной упрек в трусости по поводу того, что я не прислала Вам для военного министра своих показаний.

Оправдываться мне не в чем, - я трусости за собою не знаю и этим пороком никогда не страдала. Тот, кто знает меня ближе, мог бы засвидетельствовать, что вся моя жизнь до сих пор была сплошным риском, сплошной борьбой. А теперь, когда все мы видим, что кругом творится нечто более серьезное, чем личное одиночное счастье или благополучие, смешно было бы мне бояться за свою персону. Я жила меньше Вас, но уверена, что пережила в несколько раз больше; пожалуй, что с меня было бы и довольно, если бы моя жизнь или благополучие понадобились бы для разъяснения истины. Но беда лишь в том, что было бы следствием риска разъяснение истины? Принесла ли бы какую-нибудь пользу жалоба министру на министра же?

Я не оправдываться хочу, а лишь объяснить то, что, мне кажется, для Вас я неясно написала. Я никого не хотела оскорблять **лично**; я только объясняла Вам **бесполезность** доклада. Я и теперь стою на той же точке зрения, что докладывать правительству о деятельности отдельных лиц, **действующих с его разрешения**, бесполезно. И потому не трусость остановила меня, а бесполезность.

Конечно, Вы можете отнестись с сомнением к моим словам. В Вашем сознании, быть может, ясна моя роль труса. Чтобы разубедить Вас, я и пишу настоящее письмо.

Все это время с 9-го я работала, не покладая рук, добросовестно **собирая** и **проверяя** факты преступлений (это Вы верно выразились), совершенных за это время офицерами и солдатами. Кровь не дает мне покоя. У меня получился **ужасный** материал, кровавый материал, которого Вы знаете только ничтожную часть. Сомневаться в его **достоверности** было бы дико. Все факты у меня снабжены **свидетельскими** показаниями; многие зарегистрированы на особые листы с строгой формулировкой присяжных поверенных и **подписями потерпевших**. Я без усталости обходила больницы; я видела ужасы наяву. Это - не грезы, это факты. Отказываясь от доклада министру, я «не по секрету» давала свои показания: 1) присяжным поверенным; 2) в редакцию одной уважаемой газеты для статьи человека с слишком крупным и слишком почетным именем, чтобы было возможно дать ложные или легкомысленные показания; этот человек, получив их (все за моей подписью и за моей ответственностью), благодарил меня за «ценные и достоверные показания»; 3) я послала свои факты в заграничные газеты; 4) я отдала их в **незаконные листки за полную подписью**, - и ведь не так же я наивна, чтобы не знать, что имя мое, фигурирующее широко в публике, при распространении этих листов не навлечет на меня гнева того, кому ведать надлежит, чтобы все было скрыто, тихо и гладко?

Где же тут трусость? И кто из нас больше рисковал, - Вы ли, просто доложивший по начальству о полученных Вами «фактах», или я, давшая свое имя для легальных и нелегальных целей?

Достоверность моих «фактов» такова, что они будут служить материалом для лекции одного известного писателя в недалеком будущем. Очевидно, я не струсил, а только избрала другой путь.

Мне кажется, что я Вам достаточно разъяснила мотивы, руководящие мною. Теперь еще два слова. Чтобы окончательно убедить Вас в отсутствии в моих действиях трусости, я на днях пришлю Вам все «факты» за полную свою подпись; делайте с ними все, что найдете нужным, - прочтите, дайте ход, напишите, бросьте, если они Вам не нужны. В присылке этого я не вижу никакого практического смысла, но они имеют значение только одно: они снимут с меня незаслуженное обвинение.

Я пришлю их Вам, как только немножко вздохну свободнее (у меня масса текущих дел) и как только буду иметь в руках гектографированный листок с моею подписью, распространяемый в обществе.

Мне кажется, что теперь для Вас ясна причина моего отрицательного отношения к Вашему докладу министру. Простите, если что-нибудь сорвалось незаслуженно резко.

Готовая к услугам

М.Ямщикова».

Факты, относящиеся к 9-му января 1905 г.

1. Сергей Медведков (22 года) студент Горн/ого/ ин/ститута/. Место жительства: В.О. 11 лин/ия/, д. 56, кв. 17. Шел 11 января 2 S часа дня по В.О. между 11 и 12 лин. По Малому проспекту, торопясь обедать. Избит казаками и городовым по распоряжению городского. Толпы не было, насилия со стороны Медведкова не проявлялось. Свидетель: студ/ент/ / Горн/ого ин/ститута/ Светлик. Били шашками. Увечья: повреждена головка лучевой кости и резаная рана на правой руке. Отправлен на излечение в Биржевую больницу.

2. Студент Горн/ого/ инст/итута/ Светлик был избит вместе с Медведковым при тех же обстоятельствах. (Место жительства: Малый пр/оспект/, д. 35, кв. 32). Казаки гнали за ним, ворвались в квартиру (дома были одни женщины), произвели обыск и грозили матери г. Светлика изрубить всех в квартире, если она не выдаст сына. Избегнул расправы, сидя в шкафу.

3. Виктор Львов, студ/дент/ Горн/ого/ Инст/итута/ (24 года). Место жительства: В.О., 14 линия, д. 45, кв. 39. Избит 11 января на Малом пр. В.О. казаками по указанию городского, когда возвращался домой от знакомых с товарищем Мистюк. Побои видел доктор, которого не допустили до Львова, отвезенного в участок. Били шашками без всякой причины. Увечья: сеченая рана на ноге, ушиблено-рваная на голове, побои и ушибы на всем теле. Отправлен для излечения в биржевую больницу.

4. Воспитанник Учит. инстит/ута/ Симановский избит на В.О. на Малом пр. 11 янв/аря/ между 4 S - 5 часами дня городовыми и шпионами. Избит без всяких поводов. Увечья: несколько сеченых ран на голове (до надкостницы); перебит хрящ на пальце руки; ссадины по лицу и по всему телу.

5. Александр Починков, студ/ент/ Горн.ин. избит 11 янв/аря/ на Малом пр. В.О. шпионами и городовым около 5 ч. дня. Поводов не было. Только что вернулся из провинции и даже мало был осведомлен об ужасах 9-го янв. Ввезен в участок (2-й участок Василеостр/овской/ части) вниз головою, как труп. Был болен сильным нервным расстройством. Место жительства: В.О., 17 линия, д. 20.

6. Евгений Мурашко, студ/ент/ СПб. универ. 11 янв/аря/ около 3 ч. Дня ехал на конке по Малому пр. В.О., торопясь на урок. Был стащен с нее каким-то штатским субъектом и избит жандармами и казаками. Повреждения: 1) на голове трещина, кот. впоследствии будет вызывать от времени до времени обморочные припадки; 2) подбит левый глаз, что отзовется очень дурно на состоянии зрения; 3) отбиты легкие и печень (кровохарканье). Адрес его родных: 16 лин/ия/, д. 47, кв. 41.

8*. Заступившийся за Починкова сотрудник «Руси» Борис Александрович Розов (В.О., 9 лин/ия/, д. 46, кв. 37) был избит 11 янв/аря/ в 5 часу на Малом пр. В.О. между 9-й и 12-й линиями. В присутствии казаков городской отсек Розову кисть руки. Усаживая Розова на извозчика, один городской говорил другому, который вез Розова: «Скажи в участке, что его избил рабочий».

9. К.Д.Степанов, слесарь Трубочного завода, заступился 10-го янв/аря/ за двух студентов, котор/ых/ избивали по указанию хозяина портерной по 14-й линии между Малым пр. и Черной речкой. Степанов и его товарищ, рабочий того же завода Хохлихин стали стыдить содержателя портерной; тогда шпионы подозвали казаков, которые и избил Степанова (Хохлихин успел убежать). Раны у Степанова: голова и рука изрублены в нескольких местах, весь избит.

10. В больницу Марии Магдалины был доставлен Павел Орехов, рабочий 32л/ет/ со сломанной ногой. Только что пришел из деревни на заработок. К нему в квартиру, без всякого повода с его стороны, ворвались казаки и начали рубить шашками. Орехов в паническом ужасе выпрыгнул в окно с третьего этажа и сломал себе ногу.

11. 9 янв/аря/ днем с площади и у Синего моста войска загоняли публику на Вознесенский проспект. Когда последний был положительно набит битком, так что началась давка, конные войска с площади пустились во весь опор и врезались в живую массу, рубя шашками направо и налево.

12. 9-го янв/аря/ на Гороховой улице в участке между Мойкой и Адмиралт/ейством/ около 2 час. пополудни санитары убрали тела убитых и раненых, среди них был обезглавленный труп, голова которого лежала рядом.

13. 9-го янв/аря/ в 12 ч. ночи солдаты били сапожника (фамилия неизвестна) на Вас.о. на Малом просп/екте/), у него была раскроена голова. Поднявший его нашел, что руки сапожника были скручены за спиной проволокою.

14. Каменотес Байков под вечер 9-го янв. шел по делу с двоюр. братом и товарищем на Малом пр. В.О. около 15-й линии. Увидев мчавшегося на них во весь опор патруля, все трое бросились бежать. Байков упал, запутавшись в проволоке. Пешие солдаты бросились к Байкову и нанесли одиннадцать штыковых ран. Байков был отправлен на излечение в больницу Марии Магдалины. Вследствие происшедшего у него наблюдается расстройство умственных способностей. Единственный кормилец очень большой семьи.

15. 9-го янв/аря/ на углу 9-й линии и Малого пр. мальчик лет 10 дразнил солдата. Один из солдат прицелился и выстрелил в мальчика.

16. 9-го января вечером на углу Малого пр. и 11 линии В.О. стоявшие без офицера солдаты кололи штыками проходящих.

17. 10-го янв. Утром часов до 10-9-ти на углу 6-й лин/ии/ и Средн. просп. Вас. остр. солдаты с цифрой 23 на погонах в присутствии офицера делали обыск у всех проходящих мужчин.

18. 10-го янв. Офицер Финляндского полка г. Жерве отправил команду в 20 человек произвести обыск в частной квартире (6-я линия, д. 39, кв. 1, «Украинская столовая»). Сам г. Жерве остался на улице, «боясь засады», по его словам. После некоторого колебания г. Жерве с двумя своими товарищами (г. Головкиным и другим, фамилия которого пока не выяснена) решился войти в квартиру. Еще во дворе офицер с неизвестной фамилией обрушился на одного из бывших в этой столовой студентов и приказал солдатам обыскать его; при обыске пропал портсигар с папиросами. Гнев офицера вызвало следующее замечание студента: «Вспомните, что Вы – интеллигентный человек и, как таковой, не должны злоупотреблять силой». Офицер Головкин, будучи знаком с этим студентом раньше, сказал ему: «Г. студент, я вас знаю, мы с Вами встречались там-то, у такой-то. Вы меня не узнаете, потому что я сбрил бороду; мне ваши взгляды на войну известны». Г.Головкин наложил на студента домашний арест. В столовой же был произведен обыск. Все солдаты и офицеры были пьяны.

19. 11 января вечером на 6-й линии В.О. скакали галопом два казака, держа за руки тело неизвестного мужчины.

20. 11 января конные солдаты по приказанию офицера вытащили из конки на Больш/ом/ просп/екте/ Петерб/ургской/ стороны и зарубили до смерти неизвестного человека, крикнувшего им: «Кровопийцы-опричники». Человек был буквально изрублен, остался бесформенный труп.

21. 9-го или 10-го янв. проезжал по 6-й линии В.О. около дома 39 офицер с солдатами. Мальчики на улице что-то кричали. Офицер бросился с солдатами во двор дома №39 обыскивать разбежавшихся детей, крича: «Дайте мне этих негодяев, я их посажу на штыки».

22. Николай Болгов, 15 лет, ученик типографии Тренке (В.О. 8 лин. д. 39, ранен в правую лопатку при переходе через Невский пр. у Казанского собора вечером 9 янв. (в 91/2 ч. вечера).

23. Студент Горн. инст. А. Броминский шел 11 янв. около 12 ч. дня по 11 линии В.О. У Средн. просп. к нему подошел незнакомый человек, с виду рабочий, и предупредил, что собирается партия бить студентов и что его тоже уговаривали присоединиться, поили водкой и предлагали в награду 10 рублей. Неизвестный советовал г.Броминскому снять форму. Скоро г.Броминский узнал, что на Малом идет избиение интеллигентов: один из его товарищей спасся, переодевшись в плащ своего хозяина. Толпа ворвалась в дворницкую, потребовала домовые книги и отыскивала квартиры, где жили студенты, и врываются туда.

Все эти сведения вполне правдивы и могут быть подтверждены множеством свидетельских показаний. Маргарита Владимировна Ямщикова (в литературе А.Алтаев), В.О. 11 линия, д. 54, кв. 1.

* Ошибка в нумерации допущена автором.

Примечания

1. См.: Юдина И.М., Иванова Л.Н. Архив Альмедингенов (из истории детской журналистики) – В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., Наука, 1981 г., с. 3-28.
2. Алтаев Ал. Памятные встречи. М., «Советский писатель», 1955 и другие издания этой книги.
3. Алтаев Ал. Мои старые издатели. – В сб.: Книга, т. 26, М., 1973.
4. Письма М.В.Ямщиковой к А.Н.Альмедингену хранятся в ИРЛИ, в архиве Альмедингенов (ф. 260, №267, лл. 138-141, 160-168).
5. Рукопись хроники Ямщиковой «Факты, относящиеся к 9-му января 1905 г.» хранится в архиве Альмедингенов (ф. 260, №267, лл. 16-19 об.)
6. 23 января 1905 года газета «Русь» опубликовала заметку «Еще насилие» о случае, который произошел 21 января в аптекарском магазине Чекушкина на Садовой улице. Зашедший в магазин, чтобы позвонить, неизвестный офицер долго занимал рабочий телефон. И когда приказчик, которому срочно надо было позвонить по заданию хозяина, попытался возмутиться этим, офицер саблей отсек ему пальцы.
7. Газета «Русь» 22 января 1905 года в разделе «Письма в редакцию» поместила письмо горного инженера Н.Радыгина, который рассказывает о том, как офицер л.-гв. Равловского полка Н.А.Болотов беспричинно на улице обыскал его и, не найдя ничего подозрительного, отвел в полицейский участок, чем был возмущен даже полицейский офицер. В своем письме Радыгин писал: «Я спрашиваю мнения офицерского суда чести – совместно ли с достоинством офицера исполнение полицейских функций? Позволительно ли для чести офицера ликвидировать счет со своим противником, обращая его путем сыска и доноса в неблагонадежные?»
8. О каких слухах об англо-японских миллионах «говорится» в письме, автору публикации установить не удалось.

А. Н. Альмединген. 1879.

«Родник», иллюстрированный журнал для детей.

М. В. Ямщикова (А. Алтаев) 90-е гг. XIX в.
Печатается впервые.

М. В. Ямщикова (А. Алтаев), сотрудник «Родника». 1904 г.

